№ 31 АВГУСТ МОСКВА 1942 ● ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ● ГОД ИЗДАНИЯ XXI ● ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

КРОКОДИЛ

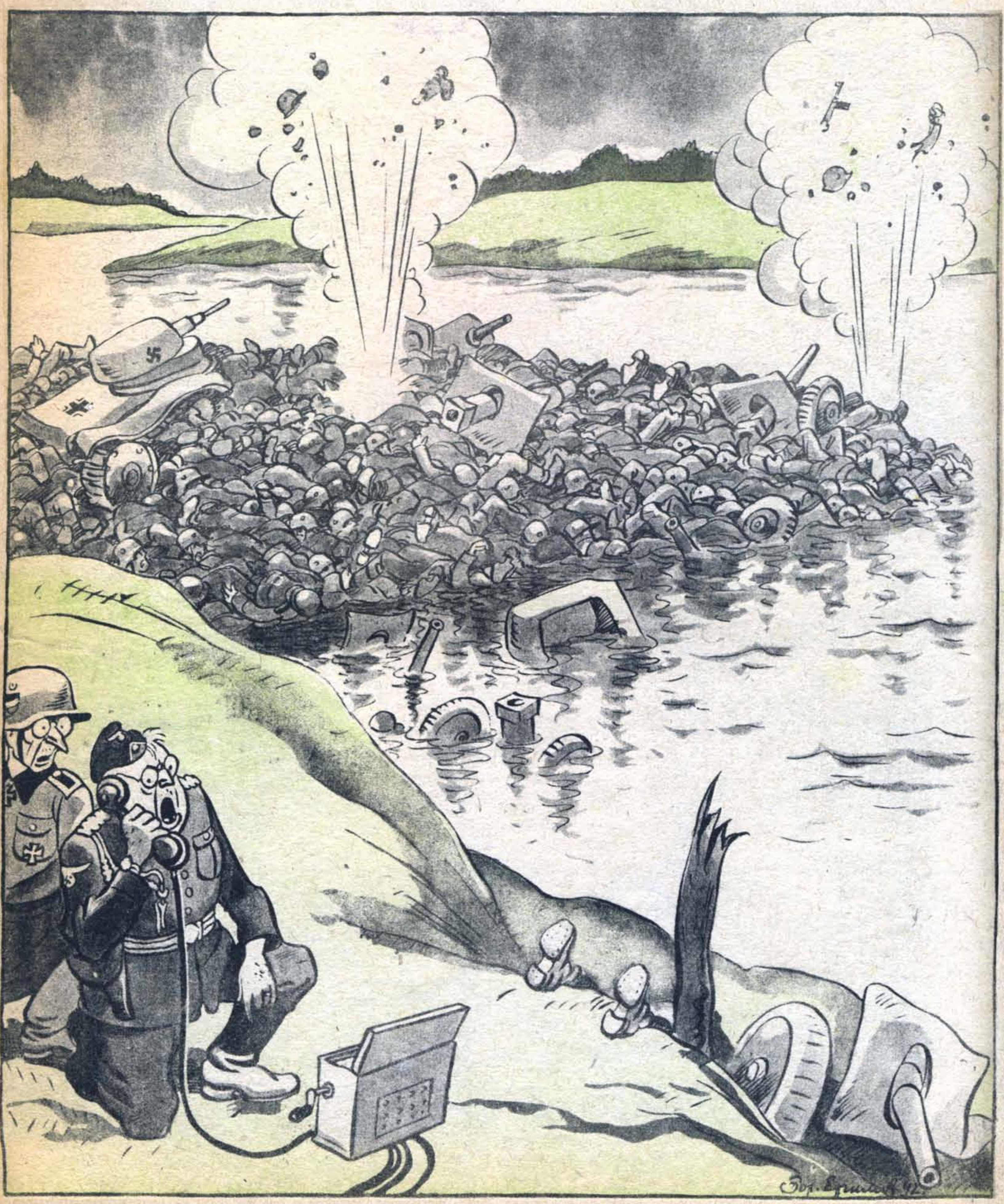
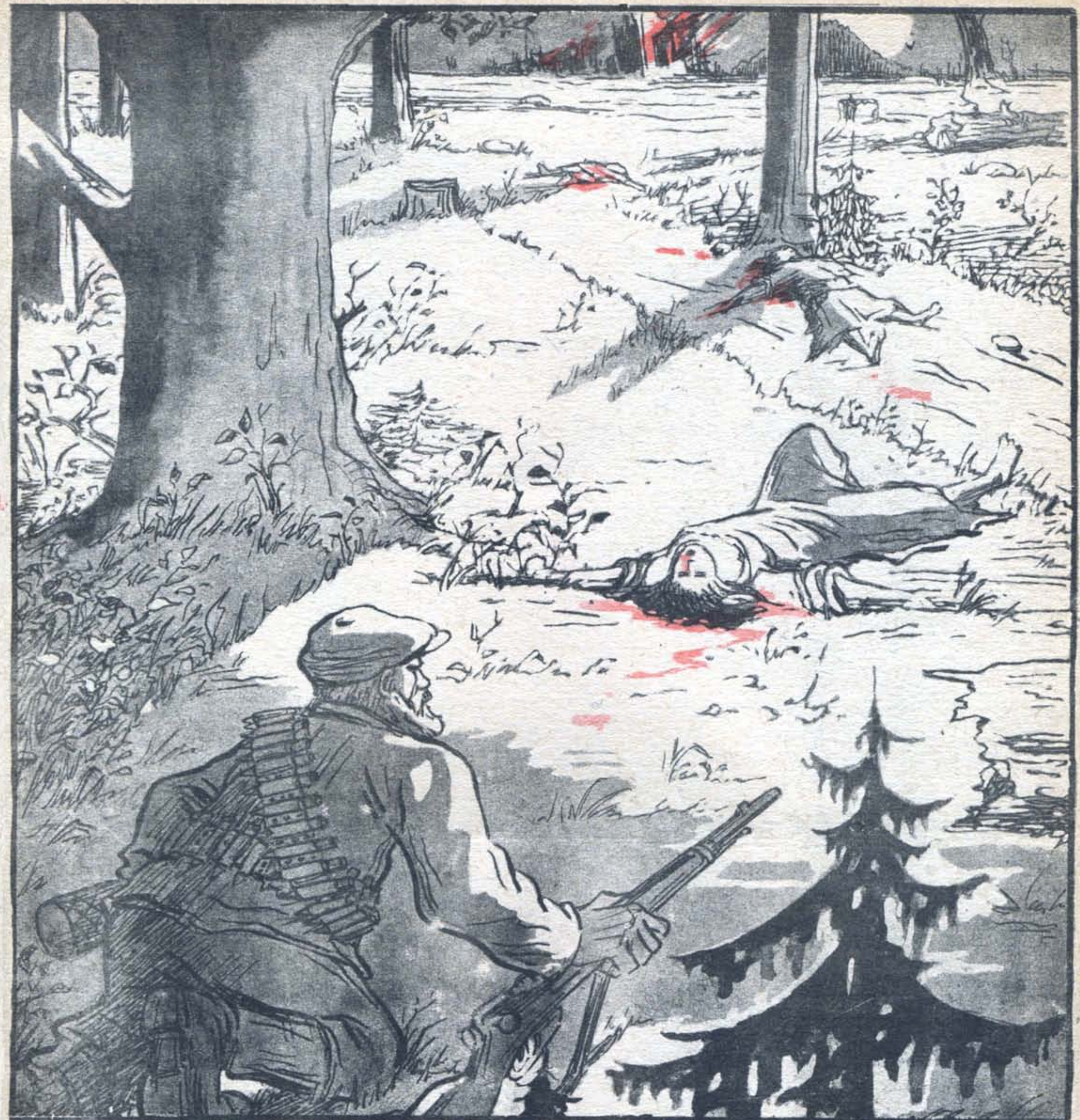

Рис. Бор. Ефимова

НА Н-СКОЙ ПЕРЕПРАВЕ

— Алло, господин полковник!.. Срочно вышлите еще одну дивизию!.. Мы не уложились!..

Рис. Д. Бабиченко

Партизан! Ищи зверя по следу!

Во степях во донецких

Немцы рвутся на Волгу,
Немцы лезут за Дон.
Мы немецкому волку
Наготовим препон.

Нам стрелять не учиться,
Не впервой воевать,
Не позволим в станице
Немчуре пировать!

Пусть немецкие танки
Не пугают донцов.
Зарыдают германки
Без мужей-мертвецов.

Наши кони, как ветер,
Схожи с бритвой клинки,
За разбой нам ответят
Головой пруссаки.

Нашу волю казачью
Немчуре не сломить,
Волчью стаю прусачью
Будем пулей кормить.

За сожженные хаты,
За поруганных жен
Много немцев проклятых
Скинем с берега в Дон.

Наша ярость без меры,
Наша злость без границ,
Палачей-изуверов
Выбьем вон из станиц!

За наш край за советский
До конца постоим —
Во степях во донецких
Немчуру разгромим!

СЕРГЕЙ АЛЫМОВ

Бургомистр

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО год назад в тихий, можно сказать заштатный наш городок прибыл Василий Аркадьевич Зайкин. Все его документы были в безукоризненном виде, и он как бы с марша приступил к исполнению своих служебных обязанностей. В лучистое августовское утро он стоял в отличнейшем светлом костюме в городском саду на летней сцене и держал перед нашими любителями завлекательнейшую речь. Он говорил об искусстве, о творческих исканиях, о «Царе Эдипе»... Было неясно, почему новый наш режиссер задумал открыть театральный сезон «Царем Эдипом», но все любители были обворожены вступительным словом Василия Аркадьевича: какова эрудиция, каков размах!..

С этого незабываемого собрания Василий Аркадьевич возвращался с Липочкой Кожебаткиной, пухлой, рослой девушкой, служившей в нашем театрике кассиршей. Утром следующего дня мы узнали, что наш режиссер и художественный руководитель поселился в домике мамаши Кожебаткиной и что он женится на Липочке. В связи с этим событием Василий Аркадьевич перенес первую репетицию со среды на пятницу, и в коричневом домике Кожебаткиных начался медовый, или, как пишут американские романисты, лилейный, месяц.

В пятницу, в назначенный час, все мы собрались на сцене: вот-вот придет Василий Аркадьевич и начнется интереснейшая, может быть, историческая в жизни нашего театра репетиция. Взбудораженные, мы нетерпеливо поглядывали на ходики. Ожидание длилось четыре часа, а в начале пятого пришла встревоженная, с сильно опухшими глазами Липочка. Она оглянула сцену, всех нас и, видимо, прочтя на наших лицах, что Василия Аркадьевича тут нет и не было, опустилась на скамью и зарыдала.

Мы обступили Липочку и с недоумением и с невыразимой жадностью ловили ее слова и полуслова, перемежавшиеся рыданиями, отчаянными вздохами. Оказалось, что Василий Аркадьевич исчез: он не ночевал дома и не пришел к Липочке утром, и вот нет его и в театре. Где он? Что с ним?..

Ошеломленные, мы стояли возле Липочки и не понимали ничего. Стояли мы до тех пор, пока в театрик не вступил в сопровождении багровой мамаши Кожебаткиной Егор Егорыч Свиридов, товарищ из уголовного розыска.

— А я сейчас к вам, гражданка, заходил,— учтиво обратился он к Липочке и спросил, не забыл ли гражданин Зайкин у Липочки каких-нибудь документов и, быть может, инструментов.

Сквозь рыдания Липочка произнесла:

— Умоляю... скажите... где он... что случилось?..

Сочувственно и даже задушевно Егор Егорыч проговорил:

— А то, гражданка Кожебаткина, случилось, что прежде чем выходить замуж, надо задать себе вопрос: за кого именно я выхожу?..

Мы изумленно заговорили:

— Как—за кого?.. За Василия Аркадьевича Зайкина!.. Он на работу к нам приехал...

Егор Егорыч пошевелил в воздухе указательным пальцем:

— Зайкин-то он Зайкин, но у него и еще звания есть: «Степка Момент», «Василий Шуйский», а в Костроме он Демьяном Шаляпиным себя величал. Нанялся там в театр кассиром, уволок всю выручку и — к нам..

Через три месяца в тихий наш городок ворвались немцы. А на другое утро мы узнали, что у нас есть бургомистр и зовут его Зайкиным Василием Аркадьевичем. А еще через день мы читали первый приказ бургомистра о сдаче хлебопродуктов, шерсти, валенок, золотых часов, колец, серебряных ложек и т. д.

Коротко говоря, служил Зайкин немчуре усердно и даже вдохновенно. Три недели назад он издал приказ о постройке «пирамиды в честь немецкого оружия». Мы, любители драматического искусства, тоже были приведены на строительство этой пирамиды: ломали в Мышкиной горе камни. И вот там однажды неожиданно появился среди нас Зайкин. Узнав старика Никодимова, нашего суфлера, бургомистр снисходительно проговорил:

— Ну, как живем, старина?

Потом сказал:

— Ты думаешь, что я не знал тогда, что меня заметут? Даже очень хорошо знал. Нюх меня, старина, никогда не обманывает, не-ет! Но устал бегать из города в город и махнул рукой...

Через полчаса все мы видели, как Зайкин, отозвав в сторону бывшего дворника земельного отдела, что-то дал ему и долго о чем-то с ним говорил.

И с тех пор Зайкин, единственный Иуда в нашем городке, купавшийся, как сыр в масле, исчез неведомо куда.

Вчера, как и каждое утро, мы собрались в своем полуразрушенном театрике. Неодолимая сила тянет нас туда, и мы, сидя у сцены, вспоминаем о минувших днях, мечтаем о будущем.

Суфлер Никодимов, живущий в соседстве с бывшим дворником земельного отдела, шопотом спросил нас:

— Помните... у Мышкиной горы Зайкин передал Прохорычу пакетик? К Прохорычу должен был придти за этим пакетиком какой-то человек в белом картузе, но так и не пришел. Вот он, пакетик-то...

Мы прочли:

«Друже Антоша, с паспортами поторопись. Я опять нализался с Вернером. Вчера господин Вернер был в штабе, там все ходят серые, испуганные... Генерал прочел какую-то секретную бумагу и сказал адъютанту: «Если у нас будут такие успехи, то в октябре в полках останется по пятидесяти человек». Мы вычерпали вчера с Вернером четыре бутыли. Он спросил: «Вы ничего не предчувствуете, господин бургомистр?» Потом он добавил: «Ах, если бы вы знали, господин бургомистр, на какой тонкой ниточке мы держимся!» И затянул собачьим своим тенором какую-то кладбищенскую канитель. Того и гляди разревется. Это он, друже Антоша, говорит со мной так уже не в первый раз. И со Шварубреймом та же история. Нюх меня никогда, Антоша, не обманывает: как можно скорее лямзи паспорта. Лучше всего — шведские с аргентинской визой. Приеду к тебе с багажом. Теперь все зависит от тебя...»

Мы много раз перечитали письмо.

— Знаете,— громко сказал суфлер,— а ведь нюх его и в самом деле никогда не обманывает.

А. КОЛОСОВ

Рис. Г. Валька

В брянских лесах партизаны издают газету «Партизанская правда».

Корреспондент «Партизанской правды» тов. К. взял беседу у немецкого коменданта для очередного номера газеты.

КОМПАНЕЙСКИЙ ПАРЕНЬ

Рис. К. Елисеева

— Почему ты так дрожишь, Шульц?
— Понимаешь, почему-то земля дрожит от русской артиллерии, вот и я с ней дрожу за компанию.

Кокаин не поможет

ГАНС Рихтер был очень бравым германским солдатом. Он был высокого роста, широкоплечий. Ганс Рихтер не обладал какими бы то ни было отличительными свойствами, кроме одного: он не любил ходить в атаку. Можно прямо сказать, что Ганс Рихтер согласился бы прожить свою жизнь, до глубокой старости, не испытав, что такое атака.

Унтер-офицер Груббе с этим свойством Ганса Рихтера никак не мог примириться. И, очевидно, плохо бы пришлось Гансу Рихтеру. Но унтер-офицер обнаружил, что отвращение к атаке присуще не только Гансу Рихтеру. Это открытие унтер-офицер Груббе сделал однажды вечером на привале, когда подслушал разговор Ганса Рихтера с другими солдатами

— Завтра, наверно, будет атака,— сказал Ганс Рихтер,— и, наверно, убьют. Все и кончится. А почему это мы должны подыхать здесь, в России?

— А будущее Германии? — спросил кто-то робко.

— Плевал я на это будущее, — сказал один из солдат,— с того света, что ли, я буду любоваться этим будущим, как любуются уже Мюллер, Гроцман, Шлигер,— словом, процентов восемьдесят солдат из нашей роты, что пришли в Россию?

Унтер-офицер Груббе был настолько ошарашен подслушанным разговором, что тут же побежал к командиру роты лейтенанту Штрауху.

Штраух внимательно выслушал унтер-офицера.

— Что же ты предлагаешь? — спросил он.

— Расстрелять,— предложил Груббе,— чтобы другим было неповадно.

— А сколько солдат принимало участие в беседе? — спросил ядовито Штраух.

— Да почти все отделение,—сказал Груббе.

— Сколько было выдано водки перед атакой? — неожиданно спросил лейтенант.

— По двести граммов, господин лейтенант.

— Ну и как?

— Да что-то не берет,— ответил Груббе,— не сильно действует.

— А если по триста выдавать?

— Пробовали и по триста. Конечно, лучше. Но тоже не очень.

— Ну, а если по четыреста попробовать?

— Могут с места не сойти, господин лейтенант. Я уж думал об этом. Еды мало — на голодный желудок может сильно подействовать.

— Пожалуй, правильно, — сказал лейтенант. — Вот что, попробуем кокаин.

— Извиняюсь, что попробуем?

— Кокаин. Пусть нюхают перед атакой. Это будет действовать сильнее.

На другой день солдатам перед атакой выдали кокаину. Ганс Рихтер, нанюхавшись кокаину, почувствовал себя настолько хорошо, им овладело настолько приподнятое настроение, что он похлопал по плечу унтер-офицера Груббе и идти в атаку вообще отказался. Солдат Эшке, понюхав кокаину, пытался сплясать и заявил Груббе, что он считает его отъявленным идиотом. И все же под давлением офицера солдаты были брошены в атаку.

Нам неизвестны результаты этой атаки. Нам известно другое. Да не только нам это известно. В германских военных госпиталях открыты специальные отделения для пострадавших от отравления наркотиками. Наркотики широко применяются в германской армии, они выдаются германским солдатам перед атакой, в связи с чем часты случаи отравления.

Вот что нам известно. И еще одно обстоятельство является непреложной истиной: германская армия в России несет огромные потери каждый час, каждый день истекает кровью И кокаин не поможет.

К. ФИНН

Кукушка и вороны

РЕКА. Вдоль берега наши окопы. За рекой немцы. За их окопами лес. Где-то, видимо на дереве, расположился немецкий снайпер. Он стреляет точно и хладнокровно в каждого, кто высовывается из окопа.

Командир подразделения тщательно осматривает лес в полевой бинокль.

КОМАНДИР: — Нет, ничего не видно... Должно быть, «кукушка» сильно замаскирована.

1-й БОЕЦ: — Интересно отметить, товарищ командир, что и пулемет не помог. Два раза лес обстреляли, а она продолжает — не замолкла.

2-й БОЕЦ: — Главное, лес большой. Деревьев масса, не понять, на каком дереве она расположилась.

1-й БОЕЦ: — Ну, если б знать, на каком дереве, я бы ее снял одним выстрелом... А ну-ка, проверим...

Первый боец берет шлем, надевает его на штык и приподнимает над окопом. Тотчас немецкий снайпер посылает пулю.

КОМАНДИР: — По-моему, выстрел с этих деревьев...

1-й БОЕЦ: — Нет, товарищ командир, по-моему, с этих...

2-й БОЕЦ: — Главное, эхо раздается. Это мешает распознать.

3-й БОЕЦ: — Разрешите доложить, товарищ командир. Я знаю, на каком дереве «кукушка».

КОМАНДИР (недоверчиво): — Ну, на каком?

3-й БОЕЦ: — Вот видите ту кривую сосну?.. Позади нее два высоких дерева... Немецкая «кукушка» сидит на левом дереве.

КОМАНДИР (недоверчиво): — Я туда в полевой бинокль гляжу и абсолютно ничего не вижу, кроме пустых ветвей. А ты вдруг рассмотрел.

1-й БОЕЦ (усмехаясь): — А, может, его зрение перекрывает полевой бинокль.

2-й БОЕЦ: — Интересно: как он там «кукушку» рассмотрел?

3-й БОЕЦ: — А это не я рассмотрел. Это вороны рассмотрели.

КОМАНДИР: — Действительно, там вороны кружатся...

1-й БОЕЦ: — Интересно отметить, товарищ командир что они кружатся несмотря на выстрелы.

2-й БОЕЦ: — Все время выстрелы происходят, а они летают.

3-й БОЕЦ: — Вот это меня и навело на мысль... Если, думаю, невзирая на выстрелы вороны продолжают вести свою личную жизнь,— значит, там у них расположено их гнездо.

КОМАНДИР: — Мысль правильная, товарищ Прохоров...

3-й БОЕЦ: — Теперь зададим себе вопрос: а почему эти вороны не садятся в свое гнездо, а предпочитают порхать по воздуху?

1-й БОЕЦ: — Может, от страха?

2-й БОЕЦ: — Если б от страха, так они бы вовсе улетели.

КОМАНДИР: — Нет, тут, наверно, у них другая объективная причина.

3-й БОЕЦ: — Вот именно, товарищ командир... Вот я и думаю: какая может быть объективная причина? Только одна причина — это дерево, на котором их гнездо, уже кем-то занято...

1-й БОЕЦ: — Кем же оно занято?

2-й БОЕЦ: — Может, «кукушкой»?

КОМАНДИР: — Ясно — «кукушкой».

3-й БОЕЦ: — Без сомнения, «кукушкой». И благодаря этому вороны путаются сесть в свое гнездо... Видите: все время подлетают и сразу обратный ход дают...

КОМАНДИР: — Похоже на то... А ну-ка давайте проверим на практике... Ну-ка, ударим по этому дереву.

Бойцы по команде стреляют. Командир наблюдает в бинокль.

КОМАНДИР: — Есть. По-моему, что-то упало.

Один из бойцов берет шлем, надевает его на штык и приподнимает над окопом. Выстрела нет.

3-й БОЕЦ: — Замолкла «кукушка». Значит, рассуждали правильно.

КОМАНДИР: — Ну, спасибо тебе, товарищ Прохоров.

1-й БОЕЦ: — Значит, на войне не только храбрость нужна.

2-й БОЕЦ: — Нужна и смекалка.

КОМАНДИР: — И наблюдательность!

Мих. ЗОЩЕНКО

ОПЫТНЫЙ НАТУРАЛИСТ

Рис. Б. Фридкина

— В этой деревне наши не были.
— Почему ты думаешь, Фриц?
— Я слышу пение петуха из деревни.

БОЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Рис. Б. Клинча

— Послушай, Ганс, говорят пехоте больше всего достается?
— Какой там! Самое ценное забирают танкисты...

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

ВЕЖЛИВЫЙ СНАЙПЕР

— Товарищ снайпер, разрешите вас сфотографировать?

— Очень извеняюсь, по горло занят: видите, фрицев снимаю.

(«Вперед за родину»)

«СЧАСТЛИВЦЫ» И «НЕСЧАСТЛИВЦЫ»

I

В тылу

Франц:—Как дела, Вилли?
Вилли:—Русские ногу перебили.
А твои, друже?
Франц:—Мои хуже.
В среду
На фронт еду!

II

На фронте

Франц:—Везет счастливчику Кляппу!
Отто:—Задал в тыл драпу?
Франц:—Нет.
Отто:—Съел второй обед?
Франц:—Нет.
Отто:—Попал в лазарет?
Франц:—Нет.
Отто:—На тот свет?
Франц:—Нет.
Отто:—Русским в плен сдался?
Франц:—Наконец-то догадался!

(«Боевая кавалерийская»)

БРЕХЛИВАЯ ДУША

Геббельс умирает, душа его прилетает к преддверью рая. Апостол Петр поочереди допрашивает прибывших.

— Сколько раз в жизни ты соврал? — спрашивает он у первой души.

— Один раз,— отвечает душа.

— В наказание пройди до чистилища и обратно.

— А ты? — спрашивает апостол у следующего.

— Три раза.

— Тебе придется совершить это же путешествие трижды.

Когда очередь доходит до Геббельса, тот, не дожидаясь вопроса, сам обращается к апостолу:

— Дорогой Петр, разреши мне на минуточку спуститься на землю и захватить свой мотоцикл.

(«Вперед за родину»)

Италия управляется не Муссолини, а германским послом в Риме фон Макензеном, который через Муссолини передает итальянским министрам все распоряжения.

Рис. Л. Бродаты

ФОН МАКЕНЗЕН: — Все понял? Ну, теперь ступай управлять государством!

В мире самоубийц

По гневному лицу Антонеску начальник сигуранцы понял, что его ждет немилостивый прием. Прием был действительно неважный.

— Плохо работаете, полковник, — прорычал Антонеску.

— Помилуйте, ваше-ство, стараемся по силе возможности. Извольте поглядеть: если взять процент расстрелянных нами в январе за 100, то в феврале эта цифра увеличилась до 278, в марте она выросла до 359. В апреле и мае наблюдался дальнейший рост. В июне, июле и августе мы резко повысили выпуск продукции — даже вывозить трупы не поспеваем. И без бюрократизма: утром арестовываем, вечером пускаем в расход...

— Вы румын пускаете в расход тут, русские пускают их в расход на фронте... Скоро от румынского народа одни немцы останутся. А тут еще самоубийства каждый день пошли!.. Что вы можете по этому поводу сказать, полковник?

— Осмелюсь доложить: все обстоит как нельзя лучше. Если взять процент самоубившихся в июне за 100, то в июле эта цифра подскочила до 244, в августе наблюдается тенденция к дальнейшему повышению. По агентурным сведениям, можно и в сентябре рассчитывать на крупное количество лиц, желающих порвать счеты с жизнью.

— Простите, полковник, за откровенность, но вы дурак. Надо положить конец самоубийствам, а не радоваться их росту. Что вы предпринимаете?

— Я объявил, что все, кто покончит с собой, будут немедленно привлечены к ответственности по законам военного времени.

— Вторично прошу прощения, полковник, но вы все же дурак. Еще что?

— Я организовал месячник по борьбе с самоубийствами.

— Помогло?

— К сожалению, ваше-ство, не помогло. Человек двадцать, заподозренных в желании повеситься, удалось своевременно арестовать.

— Прекрасно! Расстреляйте их, чтобы другим неповадно было.

— Я, ваше-ство, еще сотенку человек собираюсь задержать. Кажется, и они недовольны своим существованием.

— Повесить! Сегодня же! Немедленно!

— Слушаю-с, ваше-ство.

— А если и это не поможет, пустите в расход еще пару сот штук. Борьба с самоубийством должна вестись до победного конца. Покуда они не прекратятся, мы будем вешать и расстреливать беспощадно. Все! Можете идти, полковник.

И. ВЕРХОВЦЕВ

Энские укрепления

Франция. Оккупированная зона. Город Эн. Десять часов вечера. Герр фон Энау ходит взволнованный по кабинету. Герр Энер стоит у дверей и ждет приказаний.

Фон Энау *(иронически)*: — Наконец мы одни, мой дорогой. *(Серьезно.)* Да, совершенно одни. В этом оккупированном немцами городе осталось только два немца: вы да я. Поняли?

Энер (робко): — А немецкий гарнизон?

Фон Энау: — Этот вопрос из древней истории. Так как я вам вполне доверяю, то могу сообщить военную тайну: в городе Эн не осталось ни одного немецкого солдата.

Энер: — Куда же они девались?

Фон Энау: — Двое убиты здесь на бульваре. Один пристрелен в одном из кафе города Эн. Все! Поняли?

Энер: — Понял. А все же не понимаю. Здесь ведь было два полка!

Фон Энау: — Два полка — это пустяки. Все солдаты и офицеры обоих полков перебиты. Поняли?

Энер: — Где? На бульваре? В кафе?

Фон Энау: — Ваши познания в географии ограничиваются энским бульваром и кафе. А слыхали ли вы, что в России есть город Воронеж? Так знайте, что там закончил свое существование немецкий гарнизон французского города Эн. Поняли?

Энер: — Понял. Но все же не понимаю, как же нам теперь быть. Город не защищен...

Фон Энау: — Вы не лишены наблюдательности. И я вас вызвал затем, чтоб поручить вам немедленно возвести укрепления вокруг города Эн и его окрестностей. Поняли?

Энер: — Начинаю понимать.

Фон Энау: — Это должны быть прочные укрепления. Высший класс техники! Крик последней моды! Не забудьте, что за строительством этих мощных укреплений внимательно следит сам Геббельс. Поняли?

Энер: — Вполне.

Фон Энау: — Идите, стройте. И не жалейте железобетона.

Энер: — Слушаюсь.

Фон Энау: — Сколько времени потребуется, чтоб воздвигнуть эти крепости?

Энер: — Часа два.

Фон Энау: — Много. А я хочу сегодня пораньше лечь спать. Поняли?

Энер: — Постараюсь сделать за полтора часа.

Фон Энау: — Много. Время военное. Дорога каждая минута. Даю вам сроку полчаса. При ваших талантах это более чем достаточно. Договорились. Ступайте работать. Не жалейте железобетона! Поняли?

* * *

Через полчаса.

Энер: — Случилось большое несчастье.

Фон Энау: — Что такое?

Энер: — Большое несчастье. Ветер... окно...

Фон Энау: — Что ветер? Какое окно?

Энер: — Обыкновенный ветер. Окно было раскрыто. Ветер ворвался и унес все мои укрепления. Столько железобетона!..

Фон Энау: — Вы идиот. Поняли?

Энер: — Понял. Но у меня было столько железобетона! Я израсходовал полбутылки чернил. Я истратил столько фантазии! Я исписал пять листов. Это была чудесная статья, полная выдумки. Не статья, а сказка! Я с таким чувством описал несуществующие укрепления вокруг города Эн, что мне самому стало страшно. Я писал и сам удивлялся, как это вы меня, герр редактор, так быстро научили врать. Моя статья должна была стать украшением редактируемой вами газеты «Энскер тарабахтер». Но окно у меня было раскрыто. Ворвался ветер и унес рукопись. А на улице такая темень...

Фон Энау: — Болван! Поняли?

Энер: — Как не понять!

Фон Энау: — Даю вам сроку еще полчаса. Полчаса! Тридцать минут! Газета из-за вас запаздывает. Чтоб были мощные укрепления! Больше железобетона! Не жалейте чернил. И закройте окно, чтоб вас чорт побрал!

Г. РЫКЛИН

ИЗ СВОДКИ НЕМЕЦКОГО КОМАНДОВАНИЯ

Рис. А. Биженова

«Отступление 7-й венгерской дивизии доблестно отбито нашими частями».

Разведчик

Посвящается старшему сержанту Петру Воробьеву.

Сапоги в болотной тине,
Руки выпачканы в глине,
И сухой сосновой веткой
Поцарапана щека.
Он приходит из разведки
И приводит «языка».

Ночью, выйдя на охоту,
Он с бойцами в темноте
Между кочек по болоту
Полз ужом на животе.
Не слышней летучей мыши
(Даже, может быть, потише),
Легких троп не выбирая,
Пробирался не спеша,
Там, где нужно, замирая,
Там, где нужно, не дыша!

Прямо к немцам в тыл глубокий
Через заросли осоки,
Сквозь бурьян и бурелом
Он прошел с друзьями вместе,
Чтобы немца взять на месте
И доставить в штаб живьем.

Все, что он в пути увидит
И на что в пути ни выйдет:
На окоп ли, на блиндаж,
На немецкий взвод пехотный,
На расчет ли минометный,—
Все возьмет на карандаш.

Вот он выполнил заданье,
Не успел передохнуть,—
И опять часы вниманья:
Он идет в обратный путь.
Не слышней летучей мыши
(Даже, может быть, потише),
Легких троп не выбирая,
Осторожно, не спеша,
Там, где нужно, замирая,
Там, где нужно, не дыша.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ.
Северозападный фронт.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 50 к. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда".

А 61471 Москва. Изд. № 638 Подписано к печати 25 VIII 1942 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Типография газеты „Правда" имени Сталина, Москва, ул. „Правды", 21. Заказ № 2333. Тираж 200 000 экз.

Рис. Н. Радлова

В НЕМЕЦКОМ ГОРОДЕ

— Опять рыбы нет!..

НА ДНЕ БАРЕНЦОВА МОРЯ.

— Опять сегодня немца будут выдавать!